

Вестник ТвГУ. Серия "ФИЛОСОФИЯ". 2017. № 1. С. 122–127

УДК 122/129:316.37+323.28

«НОВЫЙ ТЕРРОРИЗМ» КАК ГЛОБАЛЬНАЯ УГРОЗА. СПЕЦИФИКА ТЕРРОРИЗМА РУБЕЖА XX–XXI ВЕКОВ: МУЛЬТИАСПЕКТЫ АНАЛИЗА ФЕНОМЕНА

В.А. Пономарёв

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский политехнический университет», Юргинский технологический институт (филиал)

Рассматривается проблема глобальной угрозы «нового терроризма» для человеческого сообщества. Исследованы причины, приведшие к появлению этого феномена. Рассмотрены различные аспекты взглядов исследователей на данную мировую проблему. Отмечено, что в числе новых характеристик терроризма наличествует масштабность технологического оснащения актов террора. Предложен путь предотвращения угрозы «нового терроризма» и его разрастания.

Ключевые слова: *глобализация, «новый терроризм», месть, акты террора, актер, бедность, противостояние цивилизаций, идентичность, маргиналы, исламисты.*

В настоящее время аналитиками аргументирован тезис о том, что терроризм, являясь во многом результатом и следствием глобализации, представляет сегодня качественно иное явление, в сравнении с тем, каким он был в XIX и XX вв. Это отражено в трудах У. Лакера, В.М. Розина, А.И. Уткина, В.Г. Федотовой и др.

По мнению Л.А. Кочемасовой и Т.А. Цыганковой, современности присуща новая глобальная реальность, вызов и угрозу безопасности в мировом сообществе представляет международный терроризм [3, с. 51]. В.Г. Федотова в монографическом исследовании «Хорошее общество» [9] отмечает, что в XXI в. терроризм создал новые угрозы, породил чувство каждодневного риска и страха – глобализации локальных несчастий. И хотя терроризм существовал и ранее, только в XXI в. террор начал восприниматься как знаковый симптом нового века.

Терроризм XX в. – особенно характерны в этом смысле акты террора, совершённые в 70-е гг XX в. в странах Европы, – в качестве своей платформы имел идеи политического экстремизма и анархизма. Суть этого терроризма в «пропаганде действием» (термин О.В. Будницкого), и это отражено в определении терроризма, которым пользовались западные антитеррористические организации, – его приводит У. Лакер в работе «Новый терроризм. Фанатизм и оружие массового разрушения» [12]: терроризм – это незаконное использование или угроза использования силы или насилия против лиц и собственности, чтобы принудить или запугать правительства или общества для достижения политических, религиозных или идеологических целей. Сравним это определение с определением «старого терроризма»: применение группой или индивидом насилия в отношении неугодных им политических акторов с целью убеждения масс в возможности успешной борьбы и стимулирования их протеста.

Очевидно то обстоятельство, что речь идёт о «новом терроризме». В числе его новых характеристик У. Лакер, В.Г. Федотова, В.М. Розин отмечают

масштабность технологического оснащения актов террора. Так, В.М. Розин полагает, что терроризм XXI века пользуется технократическим подходом [7, с. 126–135].

Г.Г. Копылов [2, с. 141–144]) и В.В. Никитаев [5, с. 135–140]) исходят из того, что обозначенная В. Лакером, В.Г. Федотовой, В.М. Розиным характеристика «нового терроризма» должна быть дополнена тем, что в основу «нового терроризма» положена месть «отставшей части мира», произошедший раскол («отставшая» часть мира – часть мира «преуспевающая»). Свой взгляд на акты террора Г.Г. Копылов интерпретирует как результат того, что осознано обстоятельство: идея «сущностной одинаковости» утопична и нереализуема.

В труде В.Г. Федотовой приводятся и сравниваются два определения терроризма:

– «терроризм – это попытка надавить на правительство чужой или собственной страны, используя способность телевидения наглядно продемонстрировать всему миру ужасы насилия против мирного населения. Без телевидения, особенно терактов в живом эфире, террористы не могли бы надеяться на способность своих жертв, их родственников и части населения выдвинуть властям требования, совпадающие с их собственными. Фактически терроризм – это насилие, осуществляемое группой людей по отношению к государству как политическому субъекту через посредство насилия и угрозы насилия в отношении мирных граждан. Это форма политического насилия, ультиматум»;

– «терроризм – это деятельность негосударственного актора, который наносит урон негосударственным организациям для нанесения вреда государству. Террористы воюют с государством через войну с населением без шанса стать государственным актором» [9, с. 279].

Сравнение позволяет сделать вывод о том, что сегодня сохранена суть терроризма как «пропаганды действием»; акт террора сохраняет свою ультимативную форму, однако предмет акта террора становится иным; акт террора, совершаемый посредством новых технологических средств, меняет свою направленность, он направлен на мирное население. Эта специфика нового терроризма как угрозы глобального масштаба исследована в работе У. Лакера [4].

О глобальных опасностях, вызванных «новым терроризмом», упоминает и В.Г. Федотова – терроризм создал препятствия взаимодействию, спровоцировал всеобщую настороженность и сдвинул проблему идентичности на задний план как неактуальную по сравнению с тем постоянным страхом, который акцентирует внимание на мнимой природности общества и бессилии человека в данной ситуации [там же, с. 275]. Автор, размышляя о причинах и сущности терроризма, выделяет среди подходов к этому явлению подходы социологический, цивилизационный и социально-психологический, а также считает, что в основании агрессии террора лежат отсталость и бедность, масштабы этих проблем возрастают в ходе глобализационных изменений.

Глобализация, – резюмирует В.Г. Федотова, – положительно воздействуя на экономику Запада, вызывает отрицательный эффект, когда речь идет об экономике периферийных зон. При этом подобный процесс обострен в силу того, что огромны те преимущества развитых стран, которые эти страны получили в результате глобализации. Кроме того, в нынешний момент изменения на Западе настолько масштабны, что применить концепцию догоняющей модернизации становится невозможным. Преодолеть разрыв, достичь уровня

развитых стран теперь уже нельзя. Зачастую подвергается сомнению то, что терроризм можно объяснить бедностью и неравенством. Этому объяснению противоречит тот факт, что многие террористические лидеры – буржуа, имеющие как немалое состояние, так и образование. Становится ли от этого тема бедности не относящейся к терроризму? Бедность не всегда взаимосвязана с терроризмом, но в террористической идеологии бедность – доминирующий фактор; огромную роль играют также отсутствие образования, отчуждение, унижение, маргинализация, разрушение локальной идентичности наряду с отсутствием глобальной. В этих условиях в сочетании с высокой технологической оснащённостью обретение идентичности нередко принимает уродливые формы, в том числе и террористические [там же, с. 281].

Влияет ли происшедший в мире раскол на проявления и масштаб актов террора? Несомненно, именно с помощью таких социальных проблем, как нищета, бедность, отсталость, терроризм обретает статус орудия протеста. А поскольку законное разрешение проблем возможно далеко не всегда, это также выступает в роли основания террористических действий. Сама же невозможность законного решения социальных проблем вызывает двоякого рода реакции. В одном случае это требования обеспечить условия для развития, что нереализуемо в силу ситуации, когда политика глобализации осуществляемая Западом для стран третьего мира, блокирует обозначенные требования развития. В другом же случае реакция приобретает форму традиционалистского бунта против модернизации.

Существо цивилизационного подхода заключено в том, что терроризм являет – это явление с приметами противостояния цивилизаций.

Что касается сути социально-психологического подхода к терроризму как явлению, мы отмечаем: в работе Э. Хоффера «Истинноверующий» исследованы черты массовой психологии, субъектом которой и является «истинно верующий», – он фанатично верует и деструктивно ориентирован. Автор отмечал, что *The True Believer* – это человек массы, который готов к «полезным массовым движениям», он жаждет трансформаций, он непостоянен. Эти качества усилены эгоизмом и амбициями, фанатичностью и желанием стать лидером – «истинно верующий», желая перемен, призывает к массовым движениям [10].

В числе социально-психологического основания террористических настроений В.Г. Федотова называет неоправданные притязания и резкую смену идентичности, что не позволяет понять резкую смену отношения, – скажем, отношения украинцев к русским, как не позволяет и понять, отчего народ Боснии вдруг перешёл к исламской идентичности.

Можно ли говорить о том, что террористы – обязательно фанатики? Мы полагаем, такой вывод неправомерен. В качестве аргумента приведём пример из исследования А.И. Уткина «Единственная сверхдержава», где используется текст письма лётчика-самоубийцы, участвовавшего в атаке, в ходе которой был уничтожен Всемирный торговый центр. Этот текст спокоен, акт террора в нём объяснён соображениями справедливости [8].

В научной литературе встречается иная точка зрения, с позиций которой объяснён терроризм. Так, авторы работы «Политический экстремизм и рациональность» Эд. Бретон, Г. Галеотти, П. Салмон объясняют факт терроризма не фанатичностью «истинно верующих», а монистическими установками: террористы закрывают глаза на комплексность и плохо воспринимают лю-

бую двусмысленность, сводя восприятие социальных институтов к «единым фиксированным стандартам». Их мироощущение до крайности полярно – это «чёрное – белое», «истинное – ложное». Обращаясь к аутсайдерам или окружающим участникам, они выражают приверженность сознанию их пропонентов, в том числе игнорируя различия между интересами частными и общественными [13, р. 69–89].

Мы придерживаемся позиции, в соответствии с которой участвующие в актах террора представляют традиционные общества, им свойственно традиционное сознание, рациональность для них выражается в привязанности к ценностям традиционного общества. И эти качества усилены чуждой средой, в которую они попадают, скажем, эмигрируя. Это – маргиналы, мотивация их действий трудно установима. В ней трудно выделить конкретные мотивы – ближайшие цели поступков, скажем, политические, психологические или религиозные. В этой связи проанализируем психологический настрой радикальных исламистов, атаковавших Всемирный торговый центр. Их ненависть предопределена триумфализмом США, навязыванием Штатами своих идеалов и ценностей, властью государства, местом своих стран в глобальной экономике, отчуждением. Их ненависть смешивает правду и вымысел; эта ненависть смешана с редкостной рациональностью в планировании, расчёте предстоящих действий.

Рассуждая о том, что является комплексной характеристикой терроризма, мы отмечаем, что это характеристика политическая, равно как политической является также мотивация, – именно политическая мотивация, а не религиозная. Террор всегда имеет политические цели – т. е., создание исламского халифата, автономия, место в международной системе в ситуации глобализованного мира, где лидеры уже определены. Здесь необходимо отметить, что сегодня в аналитической литературе формируется специфическая интерпретация политического – политика не связана только с деятельностью государства, но определена доминирующей для политики задачей.

У истоков этого подхода стоит политолог К. Шмитт; он ещё в 1927 г. сформулировал суть политического в работе «Понятие политического». Автор отмечает, что государство – это главный агент, актер политики, однако особое различие в политике, к которому редуцируются политические мотивы и действия, – это распознавание друга и врага. Распознавание друзей и врагов и соответствующее разделение на группы имеет настолько важное значение, что, провоцируя такое разделение, неполитическая противоположность отодвигает на второй план все остальные критерии и мотивы, которыми руководствовалась до этого: культурные, религиозные, хозяйственные, и подчиняется совершенно новым условиям и выводам ситуации, с этого момента уже политической [11, с. 23].

Позиция К. Шмитта определена идеей, смысл которой заключён в том, что отношение к государству не является тем, что определяет политическое, государство занимает доминирующую позицию в силу политической природы, в силу того, что обеспечивает внутреннее единство и противостояние врагам.

В этой связи Ю.А. Никитина утверждает, что сегодня противостояние цивилизаций выражается в конфронтации ценностных систем. Формой проявления этого являются расовые, религиозные и этнические столкновения. Наиболее явно цивилизационные противоречия выражаются в террористических актах, которые в последнее время стали происходить чаще и масштабнее. Всё это позволяет считать террор индикатором цивилизационных конфликтов.

Следовательно, в настоящее время терроризм стал символом глобальной опасности XXI в. Он является фактором, способным угрожать самому человеческому существованию. Сегодня становится всё более очевидно, что корни терроризма залегают гораздо глубже, чем это кажется на первый взгляд [6, с. 57].

Рассматривая вопрос о комплексности источников терроризма в условиях глобализации, В.Г. Федотова полагает, что «...исследователи, занимая достаточно критичную позицию по отношению к глобализации, видят вместе с тем проблемы и противоречия (конфликты цивилизаций, неравномерность глобализации и её тяжелейшие социальные последствия, нелинейность развития глобализованного общества, его становление как квазиприродной реальности, усиление обособленности власти, утрату идентичности, угрозу гуманитарных вторжений). Объединение этих факторов в источник терроризма нового типа сегодня проявляется как угроза всему человечеству» [9, с. 292–293].

Терроризм сегодня, – считает В.В. Кафтан, – есть целостная система, включающая в себя экстремистские идеи и действия людей и соответствующая данной деятельности организации [1, с. 54].

По мнению Ю.А. Никитиной, именно терроризм сейчас сводит воедино все назревшие противоречия современного мира, являясь индикатором глобальной опасности катастрофического разрешения системного кризиса человеческого сообщества; терроризм индуцирует усиление противостояния цивилизаций, обостряет существующие системные противоречия. Автор считает, что необходимо обратить внимание на специфические, сигнальные функции терроризма. Терроризм – это опасность для существования человечества, однако терроризм, как болевой рефлекс, несёт функцию привлечения внимания к направлению социального развития, когда оно становится неадекватным. Конечно же, это не делает ненужной борьбу с терроризмом, однако в первую очередь стоит направить усилия на то, чтобы ликвидировать его причины [6, с. 57].

Таким образом, «новый терроризм» представляет для всего человечества реальную угрозу действием. Он отличается своей непредсказуемостью и тяжестью последствий. В центре внимания исследователей должны находиться потенциально наиболее уязвимые регионы мира (Ближний Восток, Северная Африка и др.), в которых сегодня сложилась тяжёлая ситуация: социально-экономическая и политическая. И всё это усугубляется сложной этнической и конфессиональной обстановкой.

Предотвратить угрозы «нового терроризма» и его разрастание можно только путём широкого взаимодействия государственных структур в международном масштабе.

Список литературы

1. Кафтан В.В. Противодействие терроризму: учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры. М.: Юрайт, 2015. 261 с.
2. Копылов Г.Г. Люди ли люди? // Философские науки. 2002. № 1. С. 141–144.
3. Кочемасова Л.А., Цыганкова Т.А. Терроризм как фактор политической дестабилизации современного общества // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, исто-

- рия: сб. ст. по материалам XXXVII междунар. науч.-практ. конф. № 5 (37). Новосибирск: СибАК, 2014. С. 50–57.
4. Лакер У. Терроризм в современном мире: истоки, сущность, направления и угрозы. М., 2003. 205 с.
 5. Никитаев В.В. Террофания // *Философские науки*. 2002. № 1. С. 135–140.
 6. Никитина Ю.А. Коэволюционная инноватика как принцип управления развитием общества в условиях системного кризиса (социально-философский анализ): дис. ... д-ра филос. наук. Томск, 2011. 292 с.
 7. Розин В.М. Терроризм как выразительный симптом кризиса нашей цивилизации? // *Философские науки*. 2002. № 1. С. 126–135.
 8. Уткин А.И. Единственная сверхдержава. М.: Алгоритм, 2003. 573 с.
 9. Федотова В.Г. Хорошее общество. М.: Прогресс-Традиция, 2005. 544 с.
 10. Хоффер Э. Истинноверующий. Минск: ЕГУ, 2001. 200 с.
 11. Шмитт К. Понятие политического. М.: НИЦ «Инженер», 2011. 291 с.
 12. Laqueur W. *The new terrorism: Fanaticism and the arms of mass destruction*. N.Y.: Oxford univ. press, 1999. 312 p.
 13. Salmon P. *Extremism and Monomania // Political extremism and Rationality / Edited by Albert Breton, Gianluigi Galeotti, Pierre Salmon and Ronald Wintrobe*. Cambridge; N.Y.: Cambridge University Press, 2002. P. 69–89.

A «NEW TERRORISM» AS A GLOBAL THREAT. SPECIFIC CHARACTERISTICS OF TERRORISM AT THE TURN OF 20TH-21ST CENTURY: MULTIPLE ASPECTS OF THIS PHENOMENON ANALYSIS

V.A. Ponomarev

Yurga Institute of Technology, Chapter of National Research Tomsk Polytechnic University

The paper is addressing the issue of a «new terrorism» threatening humanity on the global level. The causes of this phenomenon emergence are studied. Various approaches of researchers to this world-scale problem are examined. The author reveals among the new characteristics of this phenomenon as a leading one the immensity of technical support of terror acts. Means for the treat of a «new terrorism» growth prevention are discussed.

Keywords: *globalization, «new terrorism», revenge, terror acts, actor, poverty, opposition of civilizations, identity, outcasts, radicalized Muslims.*

Об авторе:

ПОНОМАРЁВ Владимир Алексеевич – доцент кафедры гуманитарного образования и иностранных языков, Юргинский технологический институт (филиал) ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский политехнический университет», г. Юрга. E-mail: PWA13@mail.ru

PONOMARYOV Vladimir Alekseyevich – Assoc. Prof. of the Dept. of Humanities and Foreign Languages, Yurga Institute of Technology, Chapter of National Research Tomsk Polytechnic University. E-mail: PWA13@mail.ru